

Поскольку работа была оплачиваемой и цена заранее оговорена, жители деревни проявили высокую активность, и уже через два дня треть земли была засажена бататом.

После осмотра уездный начальник Шэнь Дунхай задал Чжао Чэню несколько вопросов и, увидев, что тот отвечает чётко и логично, практически поверил в его слова.

Из описания Шэнь Вэньцина, а также после краткого наблюдения за последние пару часов, Шэнь Дунхай понял, что Чжао Чэнь — умный, амбициозный и прагматичный человек, который вряд ли станет обманывать его непроверенной информацией.

Да и необходимости в этом не было, разве что он не хотел больше оставаться в деревне Водяной Лилии и уезде Мошуй.

Однако очевидно, Чжао Чэнь стремился укорениться в этих местах, поэтому вряд ли стал бы их обманывать.

Тем не менее, на всякий случай, срок созревания батата составлял несколько месяцев, и Шэнь Дунхай не мог убедить двор в его эффективности, не увидев результатов своими глазами. Поэтому он решил сначала посадить его самому, а после сбора урожая уже доложить выше.

Тогда никто не смог бы его упрекнуть.

Решив это, Шэнь Дунхай попросил у Чжао Чэня побеги батата и зрелые клубни.

Будучи честным чиновником, он поступил справедливо — не забрал их бесплатно, а настойчиво вручил Чжао Чэню двадцать лян серебра.

Чжао Чэнь не смог отказаться и принял деньги.

Ранее Шэнь Дунхай спрашивал о цене батата, и Чжао Чэнь назвал её: для деревенских жителей — один цянь за два цзиня, для остальных — два цян за один цзинь, а побеги батата отдавались бесплатно.

Для деревенских жителей это было очень выгодно, для остальных — недорого.

Шэнь Дунхай кивнул, ещё больше укрепившись в своей вере.

Чжао Чэнь понимал, что двадцать лян серебра от Шэнь Дунхая были также своего рода проверкой. Если он сможет предоставить хотя бы десять тысяч цзиней батата, это подтвердит правдивость его слов. Если же нет, то его рассказ может оказаться преувеличенным.

Десять тысяч цзиней батата для него не были проблемой, но требовали времени на подготовку. Поэтому он с улыбкой сказал:

— У моего учителя есть десять тысяч цзиней батата, но нужно время, чтобы всё подготовить. Через три дня я доставлю их вам. Как вам такой вариант?

Шэнь Дунхай кивнул. Его цель была в проверке, а не в создании трудностей.

Увидев и спросив всё, что хотел, Шэнь Дунхай и Шэнь Вэньцин не стали задерживаться и собрались в обратный путь. Чжао Чэнь, естественно, лично проводил их.

Когда они дошли до въезда в деревню, то увидели, что госпожа Сунь уже ждала их там.

Сначала она поклонилась Шэнь Дунхаю, а затем с улыбкой обратилась к Чжао Чэню:

— Всё устроено. Я также узнала дату рождения юноши Чэнь Цзю. Если вы не против, сообщите мне и вашу дату рождения, и я найду мастера, чтобы выбрать подходящий день для свадьбы.

Чжао Чэнь не ожидал, что госпожа Сунь действительно принесёт дату рождения Чэнь Цзю, и, судя по всему, она решила взять на себя и обязанности его матери.

В этот момент он не знал, восхищаться ли её умением или просто посмеяться над ситуацией.

Он не стал отказываться от её доброго предложения.

Ведь мать оригинального хозяина его тела, госпожа Юй, забрала всё семейное имущество и вернулась в дом своих родителей вскоре после того, как Чжао Шицай прошёл свою первую неделю после смерти. Вскоре она снова вышла замуж и больше почти не навещала сына.

Единственные два раза, когда она возвращалась, были связаны с попытками забрать землю и документы на дом вместе с родственниками и новым мужем, но её прогнали Чжао Шимин и деревенские жители.

Если бы не её эгоизм, Чжао Шицай не оставил бы землю и дом Чжао Шимину, поручив ему заботу о сыне.

Теперь, с госпожой Сунь, взявшей всё в свои руки, ни госпожа Юй, ни госпожа Чжоу не смогут легко вмешаться в его свадьбу, иначе они навлекут на себя гнев уездных знатных особ.

Они не могли себе этого позволить.

Решив, Чжао Чэнь быстро сообщил ей свою дату рождения.

Госпожа Сунь обладала хорошей памятью и, повторив её дважды, запомнила. Она улыбнулась:

— Хорошо. Как только я найду мастера и выберу день, снова навещу вас!

— Благодарю вас, госпожа Сунь, — Чжао Чэнь выразил признательность.

Сказав всё, что нужно, госпожа Сунь села в карету и уехала вместе с Шэнь Вэньцином и его дядей.

Чжао Чэнь проводил их взглядом, пока карета не исчезла из виду, а затем повернулся и направился к дому Ли У.

Ранее то, что Шэнь Вэньцин лично провожал Чжао Чэня, уже вызвало удивление, а теперь даже уездный начальник приехал к нему, и знатная дама из уезда помогала устроить свадьбу. Теперь жители деревни смотрели на Чжао Чэня как на небожителя — недостижимого и далёкого.

Чжао Чэнь заметил эти взгляды, но не придавал им особого значения. Если кто-то здоровался с ним, он отвечал; если узнавал кого-то — сам первым здоровался; если не знал — ничего не мог поделать.

По пути он нашёл безлюдное место и вошёл в пространство.

Чэнь Цзю рассматривал книги с дизайнами свадебных нарядов, которые Чжао Чэнь выбрал для

него накануне. В прошлой жизни он никогда не шил свадебные наряды и не был хорошо знаком с этим, поэтому, увидев изображения в книгах, понял, что его собственные задумки уступают профессиональным.

Он уже выбрал несколько понравившихся ему вариантов, и, когда Чжао Чэнь вошёл, показал их ему:

— Чжао Чэнь, какой тебе нравится?

Чжао Чэнь, глядя на его улыбающееся лицо, полное ожидания, почувствовал лёгкое волнение.

Не отвечая на вопрос, он сначала поднял его и крепко поцеловал, пока Чэнь Цзю не ослаб в его объятиях. Затем обнял его, положив подбородок на его всё ещё худое плечо, и с улыбкой в голосе произнёс:

— Сяо Цзю, теперь мы жених и жених.

— Жених и жених? — Чэнь Цзю впервые услышал это слово и заинтересовался.

Чжао Чэнь вспомнил, что в этом мире, когда юноша и мужчина сочетаются, юноша считается женой, и с улыбкой объяснил:

— В мире, откуда я родом, нет юношей, только мужчины и женщины. Когда мужчина и женщина женятся, их называют мужем и женой, а когда два мужчины вместе — женихом и женихом.

Чэнь Цзю широко раскрыл глаза:

— А у вас мужчины тоже могут рожать детей?

Для него только тот, кто может родить ребёнка, мог стать женой. Если же ребёнка родить нельзя, как объяснить это родителям? Без потомков их бы высмеяли.

Чжао Чэнь на мгновение застыл, а затем объяснил:

— В моём мире мужчины и женщины относительно равны. Многие женщины, выйдя замуж, не хотят рожать детей. У мужчин, живущих вместе, есть другие способы завести детей, например, усыновление, но это не значит, что один из них рождает. Некоторые вообще не заводят детей.

— А... — Чэнь Цзю вздохнул с облегчением и невольно посмотрел на живот Чжао Чэня.

Чжао Чэнь заметил проблеск сожаления в его глазах и с лёгким смешком снова поцеловал его, пока тот не начал протестовать. Затем отпустил его и с улыбкой спросил:

— Сяо Цзю, ты всё ещё хочешь быть сверху?

Чэнь Цзю покраснел от смущения.

Немного помолчав, он с запинкой возразил:

— Н-нет.

Хотя и было мгновение сожаления, признаваться в этом он не собирался.

Чжао Чэнь, видя его смущение, отпустил его, усадил на стул и терпеливо помог выбрать дизайн свадебного наряда.

На это ушёл целый час.

Выбрав дизайн, Чэнь Цзю начал снимать мерки с себя и Чжао Чэня, записал их, а затем расстелил на чистом столе красный шёлк, купленный Чжао Чэнем, и начал шить свадебный наряд.

Чжао Чэнь хотел сначала зайти к Ли У, чтобы посмотреть, как Сунь Цзинь учит арифметике, но, увидев, что Чэнь Цзю режет ткань и ему никто не помогает, остался в качестве ассистента.

Когда Чэнь Цзю закончил резать ткань и начал шить, Чжао Чэнь покинул пространство.

К этому времени солнце уже садилось, и из большинства домов в деревне поднимался дым.

В доме Ли У Гао Цзя уже готовил ужин.

Ему нужно было приготовить больше еды, поэтому времени уходило больше.

Когда Чжао Чэнь вошёл в дом Ли У, его встретил аромат еды. Все, кто сидел в главной комнате и учил арифметике у Сунь Цзиня, включая Ян Сюаня и других, а также дети, плели верёвки во дворе, вдохнули этот запах.

Увидев Чжао Чэня, они все встали и поздоровались.

Они знали, что этот Чжао Чэнь, над которым они раньше смеялись, теперь стал человеком, до которого им не дотянуться. От него зависело, смогут ли они и их семьи жить лучше, поэтому они не могли его обидеть.

Чжао Чэнь кивнул им, услышав голос Сунь Цзиня из главной комнаты, и понял, что Ян Сюань, Шу Мо и другие были там на уроке. Возможно, Чэнь Фу и Ли У тоже были там, поэтому он направился туда.

Сунь Цзинь, увидев его, прервал урок:

— Господин.

Чэнь Фу, Ли У и другие дети также встали и поздоровались.

Авторские примечания:

Вторая часть главы, сегодня на этом всё, извините за задержку. Постараюсь впредь публиковать вовремя.

Скоро раздам подарочные конверты, не пропустите!

Благодарю читателей за поддержку, люблю вас, спокойной ночи~~~

<http://bllate.org/book/16384/1483445>